Острая пряная креветка — это, конечно, вкусно, но мяса в ней до обидного мало. Пока старательно очистишь панцирь, в рот отправляется совсем крошечная порция, и не покидает ощущение, что сколько ни съешь — всё мало. Другое дело — тушеные свиные ребрышки в соевом соусе: вот они по-настоящему дают прочувствовать всю прелесть сытной мясной трапезы. Чу Цзиньюй зажал в руке палочки для еды и подряд умял несколько кусочков ребрышек, после чего неторопливо вернулся к чистке креветок.

Стоило признать: чередовать солоновато-сладкие, насыщенные ребрышки с острой и ароматной креветкой, заедая всё это рисом или свежими овощами, было невероятным, ни с чем несравнимым удовольствием.

Как же это вкусно!

Чу Цзиньюй ел с таким довольным выражением лица, будто ради одного этого обеда стоило прожить жизнь.

Сам он наслаждался трапезой сполна, а вот в общем чате Ху Ици сгорал от зависти к присылаемым им фотографиям и даже попытался подбить Е Цилина отправиться на поиски приятеля вместе.

Этот парень уехал в родные края — и ладно бы просто отдыхал, так еще каждый день дразнит всех фотографиями! Вы такое стерпите? Может, рванем к нему? Отыщем, сначала как следует отлупим, а потом отберем всю его вкуснятину…

Видя, что Ху Ици распаляется всё сильнее, Е Цилин посоветовал ему не дурковать и заявил: подумаешь, тушеные ребрышки да креветки, если тот и вправду так хочет поесть, он сам его угостит.

Да то, что продают на улице, вовсе невкусно! Четвертый ведь готовит на настоящей дровяной печи, по одним только фото видно, как это потрясающе аппетитно. Те ребрышки прямо-таки золотом сияют, неужели вам самим не хочется?

Какое еще золото, ты слишком преувеличиваешь! Это же просто жир в свете лампы блестит. Если уж тебе так не терпится отведать, подожди, пока вернется, и напросись к нему на обед — еще успеешь.

Стоило Е Цилину отправить сообщение, как Шан Шимао тут же поддержал его реплику, заметив, что заявляться вот так внезапно в родной дом Чу Ивэня было бы невоспитанно. В конце концов это отбило у Ху Ици охоту ехать к другу, и всё свелось к шутливым пожеланиям в чате — наесть за время Праздника середина осени лишних десять килограммов.

Глава 14. Тушеная свиная грудинка с цветками османтуса

Чу Цзиньюй даже не подозревал, каких искренних пожеланий удостоился от друзей. За столом остальные уже отложили миски и палочки, и только он продолжал расправляться с оставшимися креветками.

Глядя, как с аппетитом уплетает еду сын, Чу Ивэнь испытывал глубокое удовлетворение, но всё же с улыбкой предостерег:

— Не наедайся до отвала, скоро еще лунные пряники будем пробовать.

Что за радость в этих лунных пряниках, разве они сравнятся с креветками?

Подумал про себя Чу Цзиньюй, однако отвечать вслух было некогда — он был полностью поглощен тем, чтобы обглодать креветочные клешни. Раньше он ел речных раков далеко не так тщательно: клешни выбирал только покрупнее, а порой и вовсе выбрасывал нетронутыми. Но сегодня ему казалось, что столь восхитительное блюдо нельзя обделять вниманием — выбросить хоть крупицу мяса было бы преступлением, так старательно и сосредоточенно он ел.

Еще полчаса спустя он наконец закончил трапезу. Уголки рта измазались в масле, но выражение лица излучало абсолютное блаженство. Наевшись и напившись, он не стал рассиживаться барином, а поднялся, чтобы помочь убрать со стола пустые тарелки.

Отец с сыном оба отличались уважением к старшим и старались не позволять двоюродной тетушке — пожилой женщине — браться за тяжелую работу. Неудивительно, что, едва узнав об их приезде в деревню, тетушка радостно принялась заранее наводить порядок и сушить ватные одеяла.

— Это что такое?

Чу Ивэнь, укладывая вымытые тарелки в старинный кухонный шкаф, случайно задел и выронил бумажный пакет.

— Да это османтус, который я сушила на днях, — отвечая на ходу, тетушка подошла ближе и развязала пластиковый пакет. Оттуда мгновенно повеяло густым ароматом цветов.

— Как пахуче, — машинально похвалил Чу Ивэнь.

Тетушка тут же сунула пакет ему в руки, поясняя, что дарит его племяннику.

— Столько сил потратила на сушку, оставь себе, пригодится.

— Да что с ним делать-то…

Это была чистая правда. Люди ее поколения просто не умели сидеть без дела и вечно находили себе хлопоты. Сушить османтус она принялась исключительно потому, что заметила, как роскошно зацвело дерево во дворе. А если спросить ее, какая польза от этих сушеных цветов, вряд ли нашелся бы ответ — скорее всего, они пролежали бы в шкафу до тех пор, пока совсем не испортились бы.

[Система: Хозяин получил ингредиент — сушеный османтус. Случайная награда: рецепт блюда [Тушеная свиная грудинка с цветками османтуса x1]]

Тушеная свиная грудинка с цветками османтуса?

Чу Ивэнь уже привык, что Система время от времени подкидывает кулинарные рецепты, но услышав о сочетании османтуса и свинины, он всё же испытал легкое удивление. Впрочем, если подумать, тушеная грудинка сама по себе обладает сладковатым вкусом, так что в дуэте с османтусом нет ничего… странного?

Османтус, высушенный тетушкой, оказался чистейшим, абсолютно натуральным, без каких-либо посторонних примесей и уж тем более серной окурки. Убедившись, что ей эта заготовка действительно ни к чему, Чу Ивэнь не стал излишне церемониться и принял подарок.

Стол убрали, и теперь можно было переходить к следующей части празднования Середины осени — любованию луной и поеданию лунных пряников.

Хоть и говорят, что на шестнадцатый день луна круглее, чем на пятнадцатый, но уже сегодняшним вечером ночное светило казалось круглым и безупречно чистым, словно нефритовое блюдо.

На столе красовалась подарочная коробка с лунными пряниками, привезенная Чу Ивэнем, а рядом лежали традиционные деревенские сладости, купленные тетушкой. Когда такой старинный пряник, сплошь посыпанный кунжутом, разрезали ножом, был отчетливо слышен хруст застывшего леденцового сахара.

Чу Цзиньюй плотно поужинал, поэтому к лунным пряникам — особенно к таким невзрачным на вид, старинным — не испытывал ни малейшего интереса. Однако, когда тетушка протянула ему кусочек, портить настроение отказом он не стал и произнес:

— Спасибо, тетушка, я сам отрежу.

С этими словами он взял нож и отломил крошечный кусочек, принимаясь вяло и без аппетита его жевать.

В отличие от него, Чу Ивэнь, глядя на традиционный пряник с начинкой из разноцветных цукатов, почувствовал прилив ностальгии и отрезал себе приличный ломоть.

По правде говоря, даже скрашенные воспоминаниями детства цукаты по-прежнему оставались невкусными. Жуя, он сам невольно рассмеялся, подумав, что некоторые вещи действительно созданы лишь для того, чтобы о них вспоминать.

По сравнению с шумными, запруженными машинами городами, в деревне был не только превосходный воздух, но и куда более широкий простор — стоило запрокинуть голову, как открывался потрясающий вид на ночное небо. Чу Ивэнь ел лунный пряник, вглядываясь в небесную высь, и это сияющее лунное дитя пробудило в нем множество воспоминаний о прошлом.

Отец и сын, круглый год живущие в городе, могли преисполниться поэтичной меланхолии при виде такого пейзажа, но для пожилой четы подобные виды давно стали привычными. Силы у стариков уже не те, поэтому, символически отведав по кусочку лунного пряника, они отправились отдыхать в спальню, и вскоре на улице остались только двое — отец и сын.

— В детстве твой дед любил над тобой подшучивать: в Середину осени заставлял сначала рассказать стихотворение и только потом давал лунный пряник. И надо же было такому случиться, что ты оказался настолько сообразительным — схватывал на лету. С тех пор стоило настать этому празднику, как ты тут же принимался декламировать: С малых лет не знал луны, звал нефритовым блюдом…

— Подумаешь, стишок выучить, какая тут сообразительность, — отозвался Чу Цзиньюй, совершенно не способный сопереживать собственному детскому «я». Услышав, насколько простым было то четверостишие, он скептически пожал плечами.

— Тебе тогда еще и трех лет не было, в детский сад даже не ходил…

Вспомнив пухлого малыша, который когда-то нежно прижимался к нему, трогательно лепеча папа и по слогам разучивая стихи, Чу Ивэнь слегка недоумевал: почему с возраждением ребенок вдруг стал от него отдаляться?

У самого Чу Цзиньюя почти не осталось воспоминаний о периоде детского сада. Если напрячь память, всплывало лишь одно: в нулевом классе начальной школы отец завел его в класс и молча ушел, а кто-то из детей вдруг завопил: родители нас бросили! — чуть не заставив его реветь вместе со всеми.

В праздничные дни тоска по близким ощущается особенно остро. Отец и сын, лакомясь лунными пряниками, любуясь луной и поминая ушедших родных, провели время в редкой для них гармонии.

Впрочем, эта идиллия продержалась лишь до следующего утра — ровно до того момента, как Чу Ивэнь напомнил сыну про уроки.

— Разве сегодня не нужно идти на праздничный банкет к дяде? Вот вернемся — тогда и

сделаю.

Мало кто из школьников любит каникулярные задания, и Чу Цзиньюй, естественно, не был исключением. Услышав призыв заняться учебой, он тут же нахмурился.

— И восьми часов нет, а выходим мы только в девять. Сделай хотя бы часть, иначе опять всё накопится на последний день, и как ты всё успеешь?

Чу Ивэнь отлично знал эту его привычку откладывать всё на потом, пока в конце концов не придется списывать у одноклассников. Раз уж так, следовало пресечь этот недуг на корню.

— Не хочу я сейчас писать, какой нормальный человек поутру садится за уроки!

Бросив это, Чу Цзиньюй со всех ног бросился наутек, не желая слушать дальнейшие нравоучения.

Завидев его побег, Дахун тут же замахал хвостом и пустился следом, и уже через мгновение от этой парочки — парня и пса — и след простыл.

Чу Ивэнь пару раз окликнул сына, но безуспешно, и лишь тяжело вздохнул про себя, не понимая, почему нельзя было спокойно расправиться с заданиями, а потом уже гулять в свое удовольствие, вечно затягивая до последнего.

— Ладно тебе, ладно, парень редко приезжает, пусть погуляет, — испугавшись, что тот разозлится и схватится за ремень, тут же принялась заступаться за внучатого племянника тетушка.

Что оставалось делать Чу Ивэню? Пришлось смириться и просто ждать девяти часов, чтобы позвонить беглецу и напомнить про свадебный пир.

Вообще-то на свадебный банкет вовсе не обязательно заявляться спозаранку, ближе к одиннадцати часам — самое то, ведь застолья редко начинаются слишком рано. Но как близкий родственник со стороны жениха, он считал правильным приехать заранее — из уважения, а заодно проверить, не нужна ли какая помощь.

Дом жениха находился неподалеку, и Чу Ивэнь добрался туда на машине меньше чем за двадцать минут.

Во многих деревнях до сих пор предпочитали справлять свадьбы дома, а не в ресторанах, и сегодняшнее торжество не было исключением. Когда они подъехали, перед воротами дома уже рядами стояли столы и стулья, а на пустующей площадке неподалеку дымили несколько огромных котлов и громоздились горы разнообразной провизии.

— Дядя, тетя.

Чу Ивэнь первым поприветствовал хозяев, а шедший следом Чу Цзиньюй послушно добавил:

— Двоюродный дедушка, двоюродная бабушка.

— О, Сяо Вэнь, пришли! А это Цзиньюй? Совсем вырос какой! Проходите в дом, отдохните с дороги, угощайтесь фруктами, — радушно встретили гостей родители жениха.

— Чем помочь?

— Не нужно, не нужно, вы же гости…

Убедившись, что его помощь действительно не требуется, Чу Ивэнь отвел сына в комнату. Младшая сестра жениха тут же приветливо окликнула их, предлагая чай и фрукты.

В комнате уже находилось несколько человек, некоторых из которых Чу Цзиньюй совершенно не знал. Слушая дежурные вежливые разговоры отца с гостями, он почувствовал скуку и без лишних церемоний вытащил телефон.

— Нынче молодежь только в телефонах и сидит, не то что в наше время…

Отыскался же один особо словоохотливый родственник, которого раздражало даже то, что чужие дети зависают в гаджетах, и он тут же счел нужным вставить свои пять копеек.

Чу Ивэнь бесстрастно парировал:

— В наше время просто телефонов не было, а будь они — поглядел бы я, кто бы не стал играть.

Сестра жениха тут же поспешила сгладить углы:

— Ребенку же скучно сидеть без дела, пусть поиграет немного, ничего страшного.

День у хозяев выдался радостный, и тот излишне болтливый родственник, заметив, что отец встал на защиту сына, благоразумно предпочел умолкнуть и больше не затевать споров.

Время шло, гостей прибывало всё больше. Все оживленно обменивались любезностями, а Чу Цзиньюй, будучи представителем младшего поколения, должен был здороваться с каждым встречным. Это утомило его за считанные секунды, и, воспользовавшись моментом, он тихонько выскользнул на улицу.

http://bllate.org/book/39521/5005708